

**СИНХРОННЫЙ ПЕРЕВОДЧИК
В ПОЛИМОДАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ:
РОЛЬ ЖЕСТОВ В МОМЕНТЫ «НЕПЕРЕВОДА»**

О. К. Ирисханова

Московский государственный лингвистический университет
Россия, 119992, Москва, ул. Остоженка, 38
Институт языкознания РАН
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1 стр. 1
Поступила в редакцию 10.10.2022 г.
Принята к публикации 02.02.2023 г.
doi: 10.59222225-5346-2023-3-3

В статье рассматривается полимодальное поведение синхронных переводчиков в моменты «неперевода» – нарушения беглости перевода, связанного с разного рода затруднениями. Анализируются аннотированные в программе ELAN видеозаписи 24 переводчиков, осуществляющих синхронный перевод научно-популярной лекции TED talk на биологическую тему с английского языка на русский. На основе количественных и качественных данных о распределении жестов с моментами «неперевода» показано, что референтные (репрезентирующие и указательные) жесты служат для компенсаторного усиления связи между несколькими системами координат, в которых одновременно существует переводчик: системами координат референтных событий, коммуникативной ситуации текста-источника и физического коммуникативного пространства переводчика, ограниченного синхронной кабиной. Репрезентирующие жесты указывают на первые две системы координат благодаря нескольким модулям репрезентации – прорисовыванию, лепке, удержанию, а также разыгрыванию и воплощению. Указательные жесты помогают переводчику организовывать в пространстве сущности, о которых идет речь, интегрируя тем самым систему координат референтных событий и физическое пространство вокруг переводчика.

Ключевые слова: синхронный перевод, «неперевод», жест, репрезентирующий жест, модус репрезентации

1. Введение: взаимосвязь понятий перевода и «неперевода», переводимости и непереводимости

В отношении проблемы (не)перевода и (не)переводимости лингво-философские и лингвистические концепции образуют своеобразную шкалу – от всеобщей переводимости, которая связывается с наличием мыслительных и языковых универсалий, а в последние годы – с совершенствованием технологий машинного перевода, до принципиальной непереводимости, объясняемой через уникальность этнических культур (картин мира), специфику восприятия мира отдельным человеком или сопротивляемость переводу со стороны текста, обладающего уникальными эстетическими свойствами (Ортега-и-Гассет, 2000; Croce, 1993). Представляется, однако, что, несмотря на кажущуюся противоположность, между переводом / переводимостью и непереводом / непе-

реводимостью выстраивается некое подобие соотношения концепта и антиконцепта (Степанов, 2007; Новодранова, 2007; Гуреева, 2007), то есть их противопоставление носит более широкий, разноплановый и взаимопроникающий характер, чем мы это наблюдаем, например, в отношениях градуальности, комплементарности и векторности в антонимии.

Взаимосвязь между переводом и «непереводом» видится по-разному, в зависимости от методологических установок и исследовательских акцентов того или иного исследования, обуславливающих трактовку перевода и его противоположности.

В одноязычной коммуникации (письменной или устной) понятие перевода и переводимости связано с лингвофилософскими и философско-эстетическими вопросами интерпретации текста как непрекращающейся модификации текстового оригинала, вне зависимости от его языка (Деррида, 2002). В контексте постмодернистских и постструктуралистских установок на принципиальную множественность восприятия текста, на осмысление текста как неповторимое событие (Бахтин, 1986), перевод трактуется как творческий процесс понимания не столько языковых значений, которые зафиксированы, сколько смыслов, которые каждый раз порождаются заново с учетом «внесловесных моментов ситуации» (Бахтин, 2000, с. 434). Перевод, предполагающий девербализацию, отказ от значений слов в пользу интерпретации смысла высказывания (текста), одновременно становится непереводом в силу сложности трансляции смыслов, рожденных в другой коммуникативной среде.

В многоязычной коммуникации проблема взаимосвязи перевода и «неперевода» рассматривается в лингвофилософском (семиотическом), литературоведческом и текстологическом, а также в более прикладном переводоведческом ключе. Так, в семиотических концепциях перевода основополагающими выступают идеи М. Бахтина о диалогичности понимания текста и Ю. Лотмана о семиосфере как пространстве текстов, в котором сосуществует переводимое и непереводимое, и о нетождественности кодов отправителя и получателя. По Ю. Лотману, особую ценность приобретает перевод непереводимого, поскольку именно здесь создаются точки креативного напряжения, происходит приращение смыслов и рождается семиозис (Лотман, 2000; Куль, Вельзимова, 2018). В исследованиях художественных произведений и, шире, текстов разных стилей и жанров взаимосвязь переводимости и непереводимости рассматривается в более частных аспектах: например, как присутствие непереведенных фрагментов в модернистских текстах Т. С. Элиота, Дж. Джойса, Э. Паунда и их культурные импликации (Modernism and non-translation, 2019) или как «трудности и легкость» перевода поэтических текстов (Азарова, Бочавер, 2019).

В переводоведческих работах с выраженной практической ориентацией переводимость и непереводимость, как правило, связаны либо со стратегиями и тактиками перевода как поиска наиболее успешных переводческих решений (фактически, преодоления «неперевода»), либо с конкретными языковыми и дискурсивными явлениями, резистентными по отношению к переводу, и связанными с этим свойством

ошибками (Бархударов, 1978; Швейцер, 1988; Комиссаров, 1990; Ермолович, 2001; Марковина, Сорокин, 2008; Duarte, 2000). Приведем в качестве примера подобных исследований, работу (Morais, Da Silva, 2022), в которой обобщаются стратегии, используемые устными переводчиками при трансформации текста-источника. Интересно, что наряду со стратегиями фрагментации, предвосхищения, реструктуризации, морфо-синтаксической трансформации и прочими выделяются стратегии генерализации, упрощения, опущения, аппроксимации, которые могут оцениваться как случаи частичного перевода или отсутствия перевода (Garzone, 2002; Toury, 2012). Оставляя в стороне дискуссии о критериях успешности и адекватности перевода, отметим, что подобные классификации подтверждают взаимосвязь перевода и «неперевода», поскольку показывают, что стратегии (тактики) трансформаций при переводе предполагают в том числе осозанный или неосозанный отказ от перевода некоторых фрагментов текста-источника.

2. Неперевод в синхронном переводе: постановка вопроса исследования

В целом в переводоведении проблема «неперевода» как частичного перевода или его отсутствия в результате осознанного выбора или в силу невозможности его осуществления является менее изученной по сравнению с большим количеством работ, посвященных вопросам эквивалентности и адекватности перевода, обеспечивающим его механизмам (например, вероятностному прогнозированию, памяти, вниманию), стратегиям перевода и т. п. Фокус на успешности переводческих решений связан как с изначальным практическим уклоном переводоведения в целом, так и с тем, что значительная часть исследований была традиционно связана с переводом письменных текстов (в частности, художественных), в то время как устный перевод, особенно синхронный, выдвинулся на первый план относительно недавно, попадая чаще в поле зрения психологов, психолингвистов и нейролингвистов (Liu, Schallert, Carroll, 2004; Signorelli, Obler, 2012; Korpala, 2016; Gile, 2017; Hervais-Adelman, Babcock, 2020).

Вместе с тем понятие «неперевода» для синхронного перевода нуждается в таком подходе, который учитывал бы не только результат — сам факт отсутствия перевода значимых фрагментов текста в силу тех или иных причин, но и процесс, в ходе которого происходят заминки, паузы, перебор синонимов, самоисправления и другие случаи нарушения беглости перевода (за исключением тех моментов, когда переводчик слушает текст-источник), не обязательно приводящие к снижению его точности. Соответственно, к «непереводу» как к текущему (*hic et nunc*) явлению могут быть отнесены разного рода затруднения, которые выражаются в нарушении потока речи у синхрониста.

Кроме того, синхронный перевод, как отмечается во многих исследованиях, представляет собой весьма сложный в когнитивном плане и весьма специфический вид деятельности, предполагающий установление когнитивных проекций между ментальными структурами двух языков, причем одновременно по нескольким направлениям: при рас-

познавании, интерпретации и производстве речи, при принятии тактических решений, при осуществлении контроля за речью — чужой и собственной, и за коммуникативной ситуацией, в которой происходит синхронный перевод. В ходе перевода в режиме ограниченного времени задействуются различные когнитивные процессы и механизмы — долговременная и оперативная память, внимание (фокусирование и дефокусирование), компрессия, концептуальная интеграция, категоризация (Seeber, 2013; Gile, 2017; Stachowiak-Szymczak, 2019; Cienki, Iriskhanova, 2020).

В последние годы отмечается еще одно важное свойство устного перевода, включая синхронный перевод: он протекает в разных модальностях и каналах. Это означает, что переводчик одновременно задействует аудиовизуальный, аудиовербальный и кинетические каналы, используя разные семиотические системы, среди которых наименее изучены жесты.

Немаловажным представляется то, что, осуществляя столь сложную в когнитивном плане и многоплановую деятельность, переводчик-синхронист решает задачу по трансляции смыслов, контролируя несколько систем координат: систему координат референтных событий (событий, о которых идет речь в тексте-источнике и которые транслируются в текст перевода); коммуникативную ситуацию, в которой находится продуцент текста-источника, то есть тот, кого переводит синхронист; коммуникативную ситуацию синхронного перевода, включающую в себя, например, место перевода, опыт и пространственное воображение переводчика, знакомство с темой и т. п.

В настоящем исследовании, исходя из понимания «неперевода» как сиюминутных затруднений, приводящих к нарушению беглости, а также из полимодального характера синхронного перевода, мы ставим вопрос о том, какова роль жестов в моменты временного отсутствия перевода. Мы предполагаем, что мануальные движения могут служить не только для «выгаликивания» слов из долговременной памяти, как показывают исследования по усвоению языка (Goldin-Meadow, 2003; Gullberg, 2006), но и для иного компенсаторного преодоления затруднений — в частности, для обеспечения дополнительного выхода в вышеупомянутые системы координат и установления связей между ними через указание на сущности, принадлежащие к этим системам.

3. Дизайн эмпирического исследования о полимодальном поведении синхронного переводчика

Для проведения данного исследования использовался полимодальный корпус, собранный группой исследователей Центра социокогнитивных исследований дискурса при МГЛУ (<http://scodis.ru>) в 2019—2021 годах в рамках проекта Российского научного фонда. Корпус представляет собой коллекцию аннотированных видеозаписей 24 переводчиков, осуществляющих перевод с английского на русский язык. В качестве стимула применялся 10-минутный фрагмент аудиозаписи лекции TEDtalk о сокращении биоразнообразия на планете (<https://www>.

ted.com/talks/michael_benton_mass_extinctions_and_the_future_of_life_on_earth?language=en). Видеозапись велась с двух внешних камер (Sony HXR-NX30P (1920x1080 FHD, 25 FPS); GoPro HERO3+ Silver (1920x1080 HD, 25–30 FPS)), что позволило получить фронтальный крупный план рук переводчика и ракурс сверху из-за спины переводчика. Дополнительно велась съемка с камеры очков-айтрекеров, надетых на переводчика во время эксперимента, однако в исследовании, представленном в настоящей статье, окулографические движения не учитывались. Полученные видеозаписи были синтезированы в тройные файлы в программе ELAN (разработка Института психолингвистики Макса Планка (Нидерланды)) и аннотированы по следующим параметрам:

(а) жесты и их функциональные типы: адаптеры (напр., самоадаптеры – почесывание запястья, предметные адаптеры – потирание дужки очков), прагматические жесты (например, жесты эмфазы или обращения к собеседнику), биты (жесты, отбивающие такт) и референтные жесты, к которым относятся репрезентирующие жесты (напр., очерчивание формы объекта, изображение характера его движения) и дейктические (указательные) жесты (Müller, 1998; Bressemer, Müller, 2014; Cienki, 2017);

(б) затруднения: паузы, заполнители пауз, временное замедление темпа, повторы, усечения слов и конструкций, растягивание звуков в словах и т. п. (Cienki, Iriskhanova, 2020).

Для данного исследования мы использовали дополнительную разметку репрезентирующих жестов, которые делились на группы по модулям репрезентации: разыгрывания, лепки, удержания, прорисовывания и воплощения (собственно репрезентации) (Müller, 1998). Мы проиллюстрируем данные типы жестов далее, а сейчас отметим, что на предыдущих этапах исследования полимодального поведения переводчиков-синхронистов было установлено, что в целом синхронные переводчики, находясь в кабине и получая текст-источник по аудиоканалу, используют большое количество жестов с затруднениями. Так, 65 % затруднений употреблялись с жестами ($N=3186$; $N_{total}=4894$), что означает, что жесты служат невербальным средством сопровождения пауз и заполняющих их вербальных единиц в большинстве случаев «неперевода». При этом распределение по функциональным группам жестов было следующим: вне зависимости от опыта переводчика преобладали самоадаптеры (41 % для синхронистов с опытом менее 3 лет; 34 % для синхронистов с опытом более 3 лет) и прагматические жесты (34 % и 31 % соответственно). Жесты-биты составили 10 % и 22 %, а референтные жесты, включая репрезентирующие и дейктические жесты, составили по 13 % для обеих групп переводчиков (Ирисханова, Маковеева, Томская, 2021).

4. Компенсаторная роль жестов в моменты неперевода: употребление жестов с референтной функцией

Поскольку наиболее частотные жесты – самоадаптеры – указывают в первую очередь на высокий уровень когнитивной нагрузки (Eckman, Friesen, 1969), для проверки нашей гипотезы мы сосредоточились на референтных жестах.

Анализ репрезентирующих жестов показал, что данный тип жестов иконически изображает свойства объектов, о которых идет речь в тексте-источнике. Как правило, эта функция реализуется через такие модули репрезентации, как разыгрывание, удержание и лепка, обеспечивая указание на характер действия объекта и его форму. Например, участница эксперимента произносит фразу *Додо – это такая больш...большое большая нелетающая птица* и сопровождает затруднение (паузу и повтор слова) репрезентирующим жестом лепки с перебирающими движениями пальцев, как будто ощущывая птицу (рис. 1):

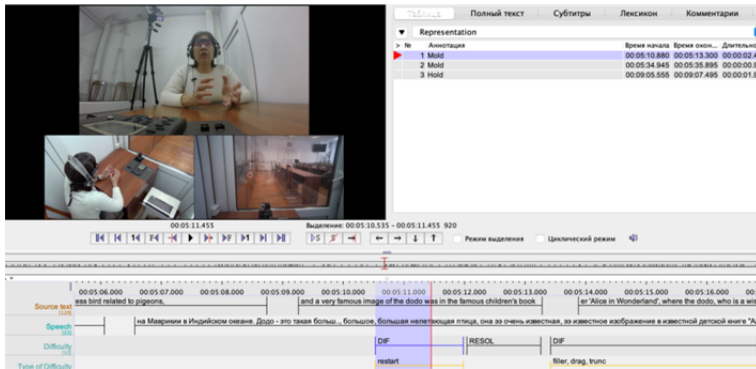

Рис. 1. Репрезентирующий жест лепки, сопровождающий фразу *Додо – это такая больш...большое большая нелетающая птица* (код RE-114B)

Таким образом, используя репрезентирующие жесты, переводчик-синхронист компенсирует задержку в переводе указанием на объект, который принадлежит системе координат референтных событий текста-источника, транслируемой в текст перевода.

Анализ примеров позволил выявить еще одно интересное явление, связанное с репрезентацией: нередко прагматические жесты могут служить для изображения (имитации) действий лектора, обращающегося к аудитории (рис. 2):

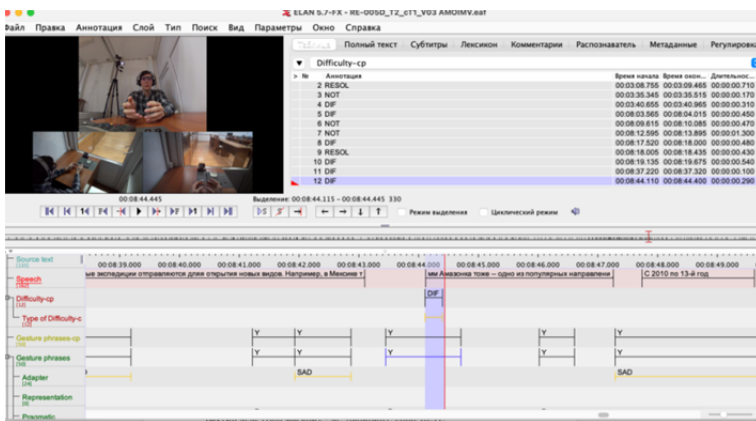

Рис. 2. Прагматический жест, имитирующий воображаемые жесты лектора, сопровождающие фразу с задержкой перевода *...mmm...Амазонка тоже* (код RE-005D)

В данном фрагменте переводчик производит прагматический двуручный жест обращения к аудитории: вытянутые пальцы обеих рук, протянутые вперед и чуть повернутые вверх ладони. Данный жест не столько выражает связь с собеседником, сколько репрезентирует говорящего через подражание его коммуникативным действиям. В этом жесте фактически реализуются два модуса репрезентации – разыгрывание обращения к публике и воплощение (собственно репрезентация), поскольку изображаемый персонаж как бы вселяется в тело переводчика. Используя подобные жесты в мгновение «неперевода» синхронист устанавливает связь между системами координат продуцента текста-источника и собственной коммуникативной системой координат.

Наряду с репрезентирующими и некоторыми прагматическими жестами определенную компенсаторную функцию могут выполнять дейктические жесты. Так, на рис. 3 изображена участница, которая сопровождает фразу [То есть мы знаем физические характеристики] ...аааамм... живущих сейчас животных двуручным жестом, указывающим вправо от нее:

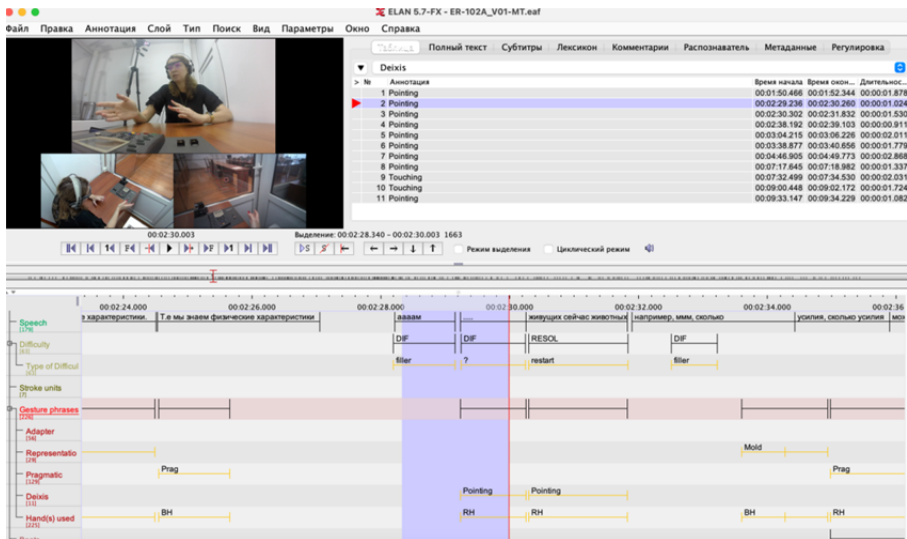

Рис. 3. Дейктический жест, сопровождающий фразу [То есть мы знаем физические характеристики] ...аааамм... живущих сейчас животных (код ER-102A)

С помощью этого дейктического жеста переводчик интегрирует в свое физическое пространство временную систему координат из референтного пространства текста-источника, располагая справа от себя современных животных в их противопоставлении к вымершим видам.

5. Выводы

В представленном исследовании предлагается трактовка понятия «неперевода» применительно к синхронному переводу: подчеркивается, что в случае с данным типом коммуникативной деятельности (не)пе-

ревод может рассматриваться как перевод с эпизодическими задержками, нарушениями беглости перевода, сопровождающимися вербальными и просодическими явлениями — паузами, заполнителями пауз, повторами, автокоррекцией и т.п. С опорой на представление о синхронном переводе как полимодальной деятельности, осуществляемой в условиях повышенной нагрузки, проводится количественный и качественный анализ эмпирического материала, который подтверждает выдвигаемое предположение о том, что жесты вносят вклад в преодоление затруднений, играя компенсаторную роль. Данную функцию реализуют референтные и некоторые прагматические жесты, которые обеспечивают интеграцию нескольких систем координат: референтного пространства текста-источника, коммуникативного пространства продуцента текста-источника и физического коммуникативного пространства переводчика. Подобное исследование выводит нас за рамки чисто эмпирических наблюдений в более тонкое понимание того, как человек, находясь в условиях повышенной когнитивной нагрузки, использует вербальные и невербальные средства для интеграции разных систем координат в единое когнитивное эргономическое пространство вокруг себя.

Исследование выполнено в Московском государственном лингвистическом университете при поддержке РФФ (проект № 19-18-00357П).

Список литературы

- Азарова Н. М., Бочавер С. Ю. От трудностей к легкости перевода. О современной философии перевода и переводного текста // Новый мир. 2019. №10. С. 138–143.
- Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М., 1978.
- Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М., 1986.
- Бахтин М. М. (под маской). Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М., 2000.
- Гуреева Е. И. Понятие «концепт» и «антиконцепт» (на материале спортивной терминологии) // Вестник ЧелГУ. 2007. №8. С. 16–20.
- Деррида Ж. Вокруг Вавилонских башен. СПб., 2002.
- Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур. М., 2001.
- Ирисханова О. К., Маковеева А. И., Томская М. В. «Жестовый поворот» в исследованиях профессиональной коммуникации: синхронный перевод // Когнитивные исследования языка. 2021. №1 (44). С. 190–202.
- Комиссаров В. Н. Теория перевода. Лингвистические аспекты. М., 1990.
- Куль К., Вельмезова Е. О парадоксе «семиотики жизни»: работы последних лет Юрия Лотмана // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, №4. С. 6–14.
- Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000.
- Марковина И. Ю., Сорокин Ю. А. Культура и текст. Введение в лакунологию. М., 2008.
- Новодранова В. Ф. Концепты и антиконцепты и их репрезентация языковыми средствами // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования. М., 2007. С. 148–155.
- Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М., 2000.
- Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М., 2007.
- Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М., 1988.

Bressemer J., Müller C. The family of Away gestures: Negation, refusal, and negative assessment // *Body – language – communication: An international handbook on multimodality in human interaction* / ed. by C. Müller [et al.]. Berlin, 2014. P. 1592–1604.

Cienki A. Analysing metaphor in gesture: A set of Metaphor Identification Guidelines for Gesture (MIG-G) // *The Routledge handbook of metaphor and language* / ed. by E. Semino, Z. Demjen. L., 2017. P. 131–147.

Cienki A., Iriskhanova O. Patterns of multimodal behavior under cognitive load: an analysis of simultaneous interpretation from L2 to L1 // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2020. №1. С. 5–11.

Croce B. L'Intraducibilità della rievocazione [1902] // *La teoria della traduzione nella storia*. Milano, 1993. P. 215–220.

Duarte J.F. The politics of non-translation: A case study in Anglo-Portuguese relations // *TTR: Traduction, Terminologie et Redaction*. 2000. Vol. 13, №1. P. 95–112.

Ekman P., Friesen W.V. The repertoire of nonverbal behavior // *Semiotica*. 1969. №1. P. 49–98.

Garzone G. Quality and norms in interpretation // *Interpreting in the 21st Century* / ed. by G. Garzone, M. Viezzi. Amsterdam, 2002. P. 107–119.

Gile D. Testing the effort models' tightrope hypothesis in simultaneous interpreting – A contribution // *Hermes*. 2017. №23. P. 153–172.

Goldin-Meadow S. *Hearing gesture: How our hands help us think*. Cambridge MA, 2003.

Gullberg M. Handling discourse: Gestures, reference tracking, and communication strategies in early L2 // *Language Learning*. 2006. Vol. 56, №1. P. 155–196.

Hervais-Adelman A., Babcock L. The neurobiology of simultaneous interpreting: Where extreme language control and cognitive control intersect // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2020. Vol. 23, №4. P. 740–751.

Korpál P. Interpreting as a stressful activity: Physiological measures of stress in simultaneous interpreting // *Poznan Studies in Contemporary Linguistics*. 2016. №52. P. 297–316.

Liu M., Schallert D., Carroll P. Working memory and expertise in simultaneous interpreting // *Interpreting*. 2004. №6. P. 19–42.

Modernism and non-translation / ed. by J. Harding, J. Nash. Oxford, 2019.

Morais C.F., Da Silva I.A.L. Simultaneous interpreting strategies across Brazilian students // *Cognition, language, culture and translation*. Macau, 2022. P. 250–279.

Müller C. *Redebegleitende Gesten. Kulturgeschichte – Theorie – Sprachvergleich*. Berlin, 1998.

Seeber K.G. Cognitive load in simultaneous interpreting // *Target*. 2013. Vol. 25, №1. P. 18–32.

Signorelli T., Obler L. Working memory in simultaneous interpreters // *Memory, language, and bilingualism: Theoretical and applied approaches* / ed. by J. Altarriba, L. Isurin. Cambridge, 2012. P. 95–125.

Stachowiak-Szymczak K. Eye movements and gestures in simultaneous and consecutive interpreting. N. Y., 2019. P. 1–42.

Toury G. *Descriptive translation studies*. Amsterdam, 2012.

Об авторе

Ольга Камалудиновна Ирисханова, доктор филологических наук, профессор, проректор по науке Московского государственного лингвистического университета, заведующий лабораторией мультимедийной коммуникации Института языкознания РАН.

E-mail: oiriskhanova@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4966-3337

Для цитирования:

Ирисханова О. К. Синхронный переводчик в полимодальном измерении: роль жестов в моменты «неперевода» // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №3. С. 40–51. doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-3.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ
ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SIMULTANEOUS INTERPRETER IN MULTIMODAL DIMENSION: THE ROLE OF GESTURES IN MOMENTS OF NON-INTERPRETATION

O. K. Iriskhanova

Moscow State Linguistic University,
38 Ostozhenka Str., Moscow, 119992, Russia
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
1 str. 1, Bol'shoy Koslovskiy per., Moscow, 125009, Russia

Submitted on October 10, 2022

Accepted on February 02, 2023

doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-3

The paper investigates multimodal behavior of simultaneous interpreters during 'non-interpretation' regarded as interruptions in the flow of speech due to difficulties. Video recordings of a TEDtalk on biology interpreted from English into Russian by 24 simultaneous interpreters are analyzed with the help of quantitative and qualitative methods. The distribution of gestures with the moments of 'non-interpretation' indicates that referential (representational and deictic) gestures serve the compensatory function of strengthening the mappings between three frames of reference in which a simultaneous interpreter acts at the same time: i. e., the frame of reference of the events described in the lecture, the communicative situation of the source text, and the interpreter's physical communicative space constrained by the booth. Representational gestures connect the first two frames of reference via the representational modes of drawing, molding, holding, as well as acting out and embodying. Deictic (pointing) gestures help the interpreter to organize the referential objects around him/her, thus integrating the referential frame of events being described and interpreted, and the physical space of the booth.

Keywords: simultaneous interpreting, non-interpretation (non-translation), gesture, representational gesture, modes of representing

The present study was carried out at the Moscow State Linguistic University with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 9-18-00357П.

References

- Azarova, N. M. and Bochaver, S. Yu., 2019. From hardship to ease translation. On modern philosophy of translation and target text. *Novyi mir* [New world], 10, pp. 138–143 (in Russ.).
- Bakhtin, M. M., 1986. *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Papers on literary criticism]. Moscow (in Russ.).
- Bakhtin, M. M., 2000. (*pod maskoi*). *Freidizm. Formal'nyi metod v literaturovedenii. Marksizm i filosofiya yazyka. Stat' I* [(under the mask). Freudianism. The formal method in literary criticism. Marxism and the philosophy of language. Article]. Moscow (in Russ.).

Barkhudarov, L.S., 1978, *Yazyk i perevod (Voprosy obshchei i chastnoi teorii perevoda)* [Language and translation (problems of General and special theory of translation)]. Moscow (in Russ.).

Bressemer, J. and Müller, C., 2014. The family of away- gestures: Negation, refusal, and negative assessment. In: C. Müller, A. Cienki, E. Fricke, S.H. Ladewig, D. McNeill and J. Bressemer, eds. *Body – language – communication: An international handbook on multimodality in human interaction*. Berlin, pp. 1592 – 1604.

Cienki, A. and Iriskhanova, O., 2020. Patterns of multimodal behavior under cognitive load: an analysis of simultaneous interpretation from L2 to L1. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 1, pp. 5–11, <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2020-1-5-11> (in Russ.).

Cienki, A., 2017. Analysing metaphor in gesture: A set of Metaphor Identification Guidelines for Gesture (MIG-G). In: E. Semino and Z. Demjén, eds. *The Routledge handbook of metaphor and language*. London, pp. 131 – 147.

Croce, B., 1993. *L'Intraducibilità della rievocazione (1902)*. In: *La teoria della traduzione nella storia*. Milano, pp. 215 – 220.

Derrida, J., 2002. *Vokrug Vavilonskikh bashen* [Around the towers of Babylon]. St. Petersburg (in Russ.).

Duarte, J.F., 2000. The Politics of Non-Translation: A Case Study in Anglo-Portuguese Relations. *TTR: Traduction, Terminologie et Redaction*, 13 (1), pp. 95 – 112.

Ekman, P. and Friesen, W.V., 1969. The repertoire of nonverbal behavior. *Semiotica*, 1, pp. 49 – 98.

Ermolovich, D.I., 2001. *Imena sobstvennye na styke yazykov i kul'tur* [Proper names at the crossroads of languages and cultures]. Moscow (in Russ.).

Garzone, G., 2002. Quality and norms in interpretation. In: G. Garzone and M. Viezzi, eds. *Interpreting in the 21st Century*. Amsterdam, pp. 107 – 119.

Gile, D., 2017. Testing the effort models' tightrope hypothesis in simultaneous interpreting – A Contribution. *Hermes*, 23, pp. 153 – 172.

Goldin-Meadow, S., 2003. *Hearing gesture: How our hands help us think*. Cambridge, MA.

Gullberg, M., 2006. Handling discourse: Gestures, reference tracking, and communication strategies in early L2. *Language Learning*, 56 (1), pp. 155 – 196.

Gureeva, E.I., 2007. Concept and anti-concept (on the basis of sports terminology). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 8, pp. 16 – 20. (in Russ.).

Harding, J. and Nash, J., eds., 2019. *Modernism and Non-Translation*. Oxford.

Hervais-Adelman, A. and Babcock, L., 2020. The neurobiology of simultaneous interpreting: Where extreme language control and cognitive control intersect. *Bilingualism: Language and Cognition*, 23 (4), pp. 740 – 751, <https://doi.org/10.1017/S1366728919000324>.

Iriskhanova, O.K., Makoveeva, A.I., and Tomskaya, M.V., 2021. "Gesture turn" in professional communication studies: Simultaneous interpretation. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language], 1 (44), pp. 190 – 202 (in Russ.).

Komissarov, V.N., 1990. *Teoriya perevoda. Lingvisticheskie aspekty* [Theory of translation. Linguistic aspects]. Moscow (in Russ.).

Korpai, P., 2016. Interpreting as a stressful activity: Physiological measures of stress in simultaneous interpreting. *Poznan Studies in Contemporary Linguistics*, 52, pp. 297 – 316.

Kull, K. and Velmezova, E., 2018. The paradox of the 'semiotics of life': Yuri Lotman's later works. *Slovo. ru: Baltic accent*, 9 (4), pp. 6 – 14, <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2018-4-1> (in Russ.).

Liu, M., Schallert, D. and Carroll, P., 2004. Working memory and expertise in simultaneous interpreting. *Interpreting*, 6, pp. 19 – 42.

- Lotman, Yu., 2000. *Semiosfera* [Semiosphere]. Moscow (in Russ.).
- Markovina, I. Yu. and Sorokin, Yu. A., 2008. *Kul'tura i tekst. Vvedenie v lakunologiyu* [Culture and text: An introduction into lacunology]. Moscow (in Russ.).
- Morais, C.F. and Da Silva, I.A.L., 2022. Simultaneous interpreting strategies across Brazilian students. In: *Cognition, language, culture and translation*. Macau, pp. 250–279.
- Müller, C., 1998. *Redebegleitende Gesten. Kulturgeschichte – Theorie – Sprachvergleich*. Berlin.
- Novodranova, V.F., 2007. Concepts and anti-concepts and their representations by means of language. In: *Kontseptual'nyi analiz yazyka: sovremennyye napravleniya issledovaniya* [Conceptual analysis of language: contemporary trends]. Moscow, pp. 148–155 (in Russ.).
- Ortega-y-Gasset, J., 2000. *Izbrannyye trudy* [Selected works]. Moscow (in Russ.).
- Schweitzer, A.D., 1988. *Teoriya perevoda: status, problemy, aspekty* [Theory of translation: status. Problems, aspects]. Moscow (in Russ.).
- Seeber, K.G., 2013. Cognitive load in simultaneous interpreting. *Target*, 25 (1), pp. 18–32.
- Signorelli, T. and Obler, L., 2012. Working memory in simultaneous interpreters. In: J. Altarriba and L. Isurin, eds. *Memory, language, and bilingualism: Theoretical and applied approaches*. Cambridge, pp. 95–125.
- Stachowiak-Szymczak, K., 2019. *Eye Movements and Gestures in Simultaneous and Consecutive Interpreting*. New York, pp. 1–42.
- Stepanov, Yu.S., 2007. *Kontsepty. Tonkaya plenka tsivilizatsii* [Concepts. The thin layer of civilization]. Moscow (in Russ.).
- Toury, G., 2012. *Descriptive translation studies*. Amsterdam.

The author

Dr. Olga K. Iriskhanova, Professor, Vice-Rector for Research, Moscow State Linguistic University, Head of the Laboratory of Multichannel Communication, the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: oiriskhanova@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4966-3337

To cite this article:

Iriskhanova, O.K., 2023, Simultaneous interpreter in multimodal dimension: the role of gestures in moments of non-interpretation, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 14, no. 3, pp. 40–51. doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-3.

